

ГРЕКИ В АХЕМЕНИДСКИХ ЦАРСКИХ НАДПИСЯХ: К ВОПРОСУ О ЛОКАЛИЗАЦИИ *Yaunā*

Э. В. Рунг

(Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Институт истории)

Стало почти что общим местом в исследовательских трудах современных историков сетовать на тот факт, что, к сожалению, основные источники по истории Персии и греко-персидских отношений — греческие и представляют картину развития событий с греческой точки зрения, глазами греков; персидские же источники дают настолько скудную информацию, что не составляют никакой конкуренции последним. Специфика же персидских источников по истории Ахеменидской державы такова, что количество реально исторически значимых письменных документов очень и очень ограничено и резко контрастирует с такой сравнительно большой группой источников, как изобразительные материалы, которые в случае с историей Персии во многом информативнее при представлении «взгляда с Востока», чем письменные.

Итак, какую ценность представляют источники «восточного» (в частности, древнеперсидского) происхождения для изучения истории Персии и греко-персидских отношений? Прежде всего, как материалы собственно по политической истории Ахеменидов (безусловный приоритет за Бехистунской надписью), а, кроме того, как источники по восприятию персами других народов, в том числе и греков. И здесь сравнение с греческими материалами не только необходимо, но и неизбежно. В данной работе следует остановиться только на втором из этих двух направлений посредством изучения проблемы локализации различных групп *Yaunā* — так персы называли греков.

Происхождение этого этнонима восходит своими истоками к Ассирии (в трактовке которых греки — это *Yatāna*) и не вызывает вопроса (Rollinger, 2006a, S. 127—128; 2009, p. 331f): восточные народы знали греков под именем *Yaunā* потому, что они впервые вступили в политические и культурные контакты именно с ионийцами — большой этнической группой греков, переселившейся в Малую Азию из Балканской Греции в ходе миграционных процессов в период «темных веков» XI—IX вв. до н. э. Ассирийцы и персы распространили это название на всех греков Малой Азии и Балкан, точно также как до них хетты и египтяне знали греков под именем «ахейцы» (аккиявуш, Аххиява). Но знали ли греки о таком их обозначении со стороны персов? Определенно знали и об этом говорят свидетельства греческих источников¹.

В зарубежной историографии проблемой *Yaunā* целенаправленно занималась голландская исследовательница Х. Сансизи-Веерденбург, которая написала

¹ Первые примеры осознания греками употребления персами по отношению к ним этнонима «ионийцы» появляются уже в драме Эсхила «Персы» (175—178, 562—563, 670—671, 895—897), причем не только применительно к малоазийским грекам, но и балканским. Об последнем также со всей определенностью явствует из произведений более поздних авторов: комедии Аристофана «Ахарняне» (104, 106) и поэмы Тимофея Милетского «Персы» (F. 15, 149—150 IEG).

на эту тему диссертацию и ряд статей (Sancisi-Weerdenburg, 2001a, p. 1—11; 2001b, p. 323—346). По проблеме *Yaunā* за последние десять лет появились работы Х. Клинкотта и Р. Роллингера (Klinkott, 2001, S. 107—148; Rollinger, S. 2006a, 125—153; 2006b, p. 197—226), но названные авторы различались между собой по ряду вопросов, в том числе и по вопросу локализации различных групп греков/*Yaunā*, упоминаемых в персидских надписях. Собственно, данный доклад будет посвящен только выяснению этого вопроса. И тут в историографии наблюдаются два подхода: одни исследователи (Р. Шмитт и Х. Клинкотт) допускали возможность локализации *Yaunā*, основываясь в основном на греческих источниках (Schmitt, 1972, S. 522—527; Klinkott, 2001, S. 107—148), тогда как другие (Х. Сансизи-Веерденбург и Р. Роллингер) выражали свое скептическое отношение к этим попыткам.

Так, например, Х. Сансизи-Веерденбург (2001b, p. 332) писала: «Попытки локализовать различных *Yauna* и соотнести их появление в списках с политическими событиями не дали удовлетворительных результатов». Аналогичным образом высказывался также и Р. Роллингер (2006b, p. 205): «Недавние исследования делали различные попытки идентификаций, ни одна из которых не была способна прояснить вопросы удовлетворительно».

Для анализа проблемы *Yaunā* привлечем главным образом пять ахеменидских надписей: четыре надписи Дария I — Бехистунская (DB); Накш-и-рустамская (DNa); Персепольская (DPe) и Сузская (DSe); одна надпись Ксеркса — Персепольская (XPh). Конечно, это не все надписи, в которых упоминается о *Yauna*, ибо в рассмотрение принимаются главным образом те документы, где присутствует список «стран» (*dahyāva*), которыми правили цари «милостью Ахурамазды». Также вне данного рассмотрения остаются собственно ахеменидские рельефы², а также случаи упоминания о греках в документах знаменитого персепольского архива³. Это особые темы и они не имеют какого-то прямого отношения к вопросу о локализации греков/*Yaunā*.

Итак, эти пять надписей показывают несколько групп ионийцев (ссылки приводятся по новейшему сборнику надписей: Schmitt, 2009):

- 1) *Yauna* — Иония (DB. § 6 I; Na. § 3 T);
- 2) *Yaunā takabarā* — «ионийцы, несущие щиты» (Na. § 3 U; cf. A³Pb 26);
- 3) *Yaunā tayai uškahyā* — «Ионийцы, которые на суше [материке]» (DPe. § 2 K);
- 4) *Yaunā tayai drayahyā* — «ионийцы, которые на море [у моря]» (DPe. § 2 L; DSe. § 4 I; XPh § 3 Q);
- 5) *Yaunā tayai paradraya* — «ионийцы, которые за морем» (DPe. § 2 M; DSe. § 4K; XPh § 3 R).

Бехистунская надпись — очевидно, наиболее ранний из древнеперсидских документов, в котором встречается слово *Yauna*. С учетом грамматики древнеперсидского языка, *Yauna* здесь следует переводить как Иония, а не как ионийцы, во-первых, ввиду различия в последней гласной этого слова, когда множественное число от единственного отличается долгой гласной — *ā* в конце слова, а,

² Из самых последних важных работ, посвященных изображению различных народов на персидских рельефах ападаны, см. статью Г. Гроппа (Gropp, 2009, S. 283—359).

³ Об упоминании греков/*Yaunā* в документах персепольского архива см. специально работы Р. Роллингера, В. Хенкельмана, М. Столпера (Rollinger, Henkelman, 2009, p. 331—351; Henkelman, Stolper, 2009, p. 271—329).

во-вторых, ввиду идентичности у персов обозначения области и этнонима⁴. Таким образом, в Бехистунской надписи греки/ионийцы предстают единым народом и еще не разделяются на группы, и упоминаемая в ней Иония, несомненно, — это название области на малоазийском побережье.

Однако, возникает проблема с локализацией этой самой Ионии. Дело в том, что персидское слово Иония/*Yauna* здесь допускает две возможных альтернативных интерпретации. Во-первых, как собственно греческая область «Иония» в Малой Азии, а во-вторых, прибрежная территория — место компактного проживания греков (и второй вариант даже кажется более предпочтительным). Далее, существует еще одна сложность — первое появление выражения *tayai drayahyā* — «которые на море», что многие современные исследователи также соотносят с греками и считают относящимся непосредственно к населению сатрапии Геллеспотской Фригии с центром в Даскилии.

Эту возможность уже допускали А. Олмстэд и Р. Кент (Olmstead, 1939, p. 307; Kent, 1943, p. 304, n. 12), однако аргументировал позднее Р. Шмитт (Schmitt, 1972, S. 522—527), и к его доводам присоединился Х. Клинкотт (Klinkott, 2001, S. 109—110). Между тем, Х. Сансизи-Веерденбург показала натянутость подобного предположения, ибо в тексте документа *tayai drayahyā* стоит не после *Yauna*, как это в других надписях, а даже перед *Sparda* и, таким образом, никак не связано с упоминаемыми далее *Yauna*. Поэтому, учитывая привязку *tayai drayahyā* к географическим ориентирам в тексте документа (между Египтом и Сардами), Сансизи-Веерденбург предположила, что определение «народы на море» могло относиться, например, к различным этническим группам населения, расположенным на побережье Ближнего Востока от Египта и до Малой Азии (Sancisi-Weerdenburg, 2001a, p. 11).

В свою очередь, мы можем добавить, что появление в надписи одной только группы греков/*Yauna* вполне объяснимо, если относить Бехистунскую надпись к начальным годам правления Дария I, когда персы еще обладали контролем только над греками малоазийского побережья и некоторых островов. В дальнейшем, однако, персидский контроль над греками уже при Дарии распространился за пределы Азии и это должно было найти непосредственное отражение в персидской официальной традиции, представленной в эпиграфике. И именно этим, по-видимому, следует объяснить дальнейшую конкретизацию греков: появление в Накш-и-рустамской надписи Дария I уже двух групп греков/*Yaunā* — это собственно «Иония»/*Yauna* и «несущих [на головах] щиты ионийцев» / *Yaunā takabarā*, а в Персепольской надписи Дария I — даже трех групп: «ионийцы, которые на суше [материке]» / *Yaunā tayai uškahyā*, «и которые на море» / *utā tyaiy drayahyā*, «и которые живут за морем» / *utā dahyāva tayā paradraya*, причем в этой надписи уже отсутствует группа *Yaunā takabarā*. Возможно, последнее — показатель того, что теперь «несущие [на головах] щиты ионийцы» были включены в другую группу греков — или в группу «ионийцы за морем» или же в группу «ионийцы на материке» (последний вариант представляется все же более вероятным)⁵.

⁴ По справедливому мнению исследователей, в древнеперсидском слово *dahya* обозначало как область, так и народ (об этом см. Vogelsang, 1992, p. 170).

⁵ В историографии существуют несколько подходов к локализации *Yaunā takabarā*. Согласно одним исследователям, выражение означает «щитоносные ионийцы» и само

Наконец, в Сузской надписи Дария — снова две группы греков/*Yaunā*: «ионийцы, которые на море» / *Yaunā tayai drayahyā*; «ионийцы, которые за морем» / *Yaunā tayai paradraya*; также и в Персепольской надписи Ксеркса — «ионийцы, которые на море» / *Yaunā tayai drayahyā*; «и которые живут за морем» / *utā tayā paradraya dārayanti*. Опять отсутствует группа *Yaunā takabarā*. Однако локализация упомянутых групп *Yaunā* — также дело трудное по ряду причин: во-первых, точная датировка этих надписей внутри периода правления ахеменидского царя представляется затруднительной; во-вторых, дискуссионен вопрос и о том, как соотносятся эти списки «стран» (*dahyāva*) в персидских надписях со списком податных округов (ἀρχαί, νόμοι) в труде Геродота (III. 89—94), и все эти сведения — с системой персидских сатрапий⁶.

Последний вопрос довольно неоднозначно трактуется в историографии и его выяснение выходит за рамки настоящей работы. Тем не менее отметим, что точка зрения о соотношении «стран» (*dahyāva*) с персидскими сатрапиями встречает несколько трудностей, даже если рассматривать это только применительно к проблеме *Yaunā*⁷. Прежде всего, обратим внимание на то, что при Дарии и Ксерксе существовало два сатрапских центра в Малой Азии — это Сарды и Даскилий, однако во всех надписях упомянута только Лидия/*Sparda*. И вот, вероятно, отождествление «приморских» ионийцев с Даскилием (на мой взгляд, неправомерное) было призвано устранить эту трудность. Далее, малоазийские греки, как известно, были разделены между двумя саррапиями, но показывают ли царские надписи это деление? Здесь также не все так определенно, несмотря на деление в надписях ионийцев до пяти групп.

Тем не менее, на мой взгляд, трудно согласиться со скептическим отношением Х. Сансизи-Веерденбург и Р. Роллингера к самой возможности локализации различных групп *Yaunā*, и мы более солидарны с попытками Р. Шмитта и Х. Клинкотта использовать античные источники для решения этого вопроса (хотя с некоторыми их принципиальными выводами трудно согласиться, но важнее все же представляется их метод).

Теперь необходимо обратиться к сообщениям античной исторической традиции, и главным образом Геродота. В действительности же понятно, что выражение *Yaunā tayai drayahyā* — «ионийцы, которые на море [у моря]» может быть сопоставлено с теми определениями, которые греки использовали по отношению к сатрапам и/или сатрапиям на побережье Малой Азии — как с цен-

обозначение применимо к европейским грекам. Другие историки более конкретны в идентификации этой группы: они полагают, что речь идет о населении Фессалии и/или Македонии, которое было подчинено Дарию I — «носящие на головах щиты» (шапки с широкими полями — *петасосы* или *кавсии*) (о проблеме см: Rollinger, 2006c, 365—400).

⁶ Более или менее детальный анализ проблемы см. в работах: Дандамаев, Луконин, 1980, с. 109—111; Klinkott, 2000, S. 1—17; Klinkott, 2005, S. 67—109.

⁷ Кратко на этот счет высказался Пьер Бриан: «Следует признать, что ни списки, ни содержащиеся в них сведения не представляют собой административный каталог, дающий реальный образ имперского пространства. Это не были административные области, которые Великий царь хотел представить. Слово, используемое в надписях, — это *dahyu*, *народ*. Цари не намеревались предоставить список, который бы был или полным или точным» (Briant, 2002, p. 177).

тром в Сардах, так с центром и в Даскилии. Здесь мы имеем довольно длинный (и даже далеко не полный) список употребления античными авторами сочетаний со словом «море». Причем, они-то как раз не свидетельствуют о том, что под «ионийцами на море» следует понимать только геллеспонтийских греков (как заключает Р. Шмитт, а Х. Клинокотт говорит о негреческих народах северо-западной Малой Азии — мисийцах, фригийцах). Обозначения применимы и к сатрапам в Сардах и в Даскилии, которые выполняли военные функции по отношению к греческому населению Азии.

- Сарды (?)**, *Гарнаг* — Diod. IX. 35. 1: ἐπὶ τῆς θαλάττης στρατηγός
Даскилий (?), *Отан* — Herod. V. 25: στρατηγός τῶν παραθαλασσίων ἀνδρῶν
Сарды, *Артаферн* — Herod. V. 30: τῶν δ' ἐπιθαλασσίων ἀθρώπων τῶν ἐν τῇ Ἀσίᾳ ἄρχει πάντων
Сарды (?), *Гидарн* — Herod. VII. 135: στρατηγός δὲ τῶν παραθαλασσίων ἀθρώπων τῶν ἐν τῇ Ἀσίᾳ
Иония (?), *Гадат* — ML., 12: ἐπ[ι] τὰ κάτω τῆς Ἀσίας μέ[ρ]η
Даскилий, *Артабаз* — Them. Epist. 16: σατράπης βασιλέως ἐπὶ τοῖς πρὸς θαλάσση ἔθνησιν
Сарды, *Тиссаферн* — Diod. XIII. 36. 5: ὁ τῶν ἐπὶ θαλάττης τόπων ἔχων τὴν στρατηγίαν
Сарды, *Тиссаферн* — Thuc. VIII. 5. 5: στρατηγός τῶν κάτω⁸
Сарды, *Кир Младший* — Xen. Hell. I. 4. 3: ἄρξων πάντων τῶν ἐπὶ θαλάττῃ = τὰ κάτω πάντα
Сарды, *Кир Младший* — Plut. Artax. 2. 5 = Ctesias, *Persica*. F. 17: Λυδίας σατράπης καὶ τῶν ἐπὶ θαλάσση στρατηγός
Сарды, *Кир Младший* — Diod. XIV. 19. 2: ὁ τῶν ἐπὶ θαλάττης σατραπειῶν ἡγούμενος
Сарды, *Кир Младший* — Diod. XIV. 26. 4: ἐπὶ θαλάττης ἦρχε σατραπειῶν
Малая Азия, *Ментор* — Diod. XVI. 52. 2: σατράπης τῆς κατὰ τὴν Ἀσίαν παραλίας

Наконец, следует упомянуть довольно важное свидетельство Геродота (VI. 48—49), которое само по себе поднимает ряд вопросов, но может пролить некоторый свет на локализацию групп греков/*Yaunā*: «После этого Дарий сделал попытку разведать замыслы эллинов: думают ли они воевать или предпочитают сдаться. Для этого Дарий послал глашатаев в разные города по всей Элладе с повелением требовать царю землю и воду. Этими-то глашатаев он посылал в Элладу, а других отправлял в приморские города, платившие ему дань (τούτους μὲν δὴ ἐς τὴν Ἑλλάδα ἔπεμπε, ἄλλους δὲ κήρυκας διέπεμπε ἐς τὰς ἑωυτοῦ δασμοφόρους πόλιας τὰς παρὰ θαλασσίους), приказывая строить военные корабли и грузовые суда для перевозки лошадей. Эти города — данники взяли поставлять царю эти корабли, а многие материковые жители (πολλοὶ μὲν ἠπειρωτέων)

⁸ Э. Эндрюз полагает, что τῶν κάτω означает «men by or near sea», и таким образом должно относиться к жителям прибрежных областей Малой Азии или к войскам, расположенным там. Исследователь соотносит слово οἱ κάτω с παραθαλασσίοι/ἐπιθαλασσίοι ἀθρώποι/ἄνδρες и с соответствующими древнеперсидскими параллелями (Gomme, Andrewes, Dover, 1981, p. 15). С. Хорнблауэр переводит выражение στρατηγός τῶν κάτω как «general of the west» (с замечкой, что дословный перевод последнего слова — «of the men/things below»), и замечает, что τῶν κάτω означает «on the coast» — на побережье (Hornblower, 2008, p. 764, 766).

дали прибывшим в Элладу глашатаям то, что им повелел персидский царь. Также поступили и все островитяне, куда являлись глашатаи с подобным требованием». Итак, налицо некий контраст между греками в Элладе и *δασμοφόρους πόλιας τὰς παραθαλασσίους*, который в особенности подчеркивается использованием греческой конструкции *μὲν ... δὲ*.

Но главное здесь, что собственно вводит в некое замешательство современных историков — это использование Геродотом фразы *πολλοὶ μὲν ἠπειρωτέων* — «многие из материковых жителей». Что скрыто под этим обозначением? По мнению комментаторов к труду историка У. Хау и Дж. Уэллса, это выражение совершенно неясное и, возможно, даже преувеличенное (*the expression is vague and perhaps exaggerated*); хотя, как считают указанные исследователи, заявить о своем подчинении персидскому царю Дарию могли Фессалия, Беотия, Аргос и Дельфы (How, Wells, 1912, p. 81). О том, что Геродот преувеличивает масштаб подчинения персам островных и материковых эллинских полисов, утверждают и некоторые другие исследователи (Kelly, 2003, p. 182—183; Scott, 2005, p. 211—212), оставляя, правда, без особых комментариев значение Геродотова выражения *πολλοὶ μὲν ἠπειρωτέων*.

Существующие же данные могут предполагать предоставление земли и воды в 491 г. как от фессалийцев и зависимых от них этнических общностей Северной Греции (магнетов, эниенов, перребов, долопов, фтиотидских ахейцев и ряда других), так и от различных племен Македонии. По словам Геродота (III. 96; VII. 108), уже при царе Дарии I вся Эллада, вплоть до Фессалии, была порабощена и платила подать царю, и эти сведения подтверждает Фукидид (VIII. 43. 3). Очевидно, мидизм фессалийцев и македонян мог восходить еще или к 513 г. до н. э. или же к 492 г. до н. э.: эти даты выступают как *terminus post quem* для начала отношений лариссейской династии Алевадов и македонской династии Аргеадов с Персией. Вопрос о хронологии подчинения персам Фессалии и Македонии дискуссионный в историографии, и требует специального рассмотрения (об этом см. подробнее: Рунг 2008, с. 80—82).

В нашем случае важным представляется наблюдение: персидское подчинение Северной Греции произошло еще до 491 г. — направления Дарием I своих глашатаев. Великий царь мог стремиться не только заполучить в Элладе своих новых подданных, но и подтвердить верность прежних. И здесь возникает вопрос: не могли ли эти территории в Греции обозначаться как *Yaunā tayai uškahyā* — «ионийцы, которые на суше [материке]», и, таким образом, в Персепольской надписи Дария, с одной стороны, заменить собой встречавшиеся в других надписях *Yaunā takabarā*, а с другой стороны — отделяться от двух других групп греков — *Yaunā tayai drayahyā* — «ионийцы, которые на море [у моря]» (малоазийские греки) и *Yaunā tayai paradraya* — «ионийцы, которые за морем» (не следует ли видеть под ними, например, тех же афинян после известного посольства 508/7 г. в Сарды и переговоров с Артаферном)? *Uškahyā* — в древнеперсидском локатив от существительного *uška* — «суша».

По крайней мере, осторожные объяснения, предложенные Х. Саншизи-Веерденбург, не могут полностью устроить. Одно из них: «*Yauna* на море и *Yauna* на суше — это одна группа, и только ввиду ее размера и недостатка политического единства была необходимость в некоторой их спецификации» (Sancisi-Weerdenburg, 2001a, p. 9). Другое объяснение: «Деление *Yauna* на тех, которые

на материке и тех, которые на море, — способ сказать, что существуют различия между ними, и упоминание «тех, кто на сухой территории» (dry area) и «тех, кто на водной территории» (wet area) охватывает существующие альтернативы» (Sancisi-Weerdenburg, 2001b, p. 332).

Таким образом, в заключение отметим, что древнегреческие авторы обнаруживают знание того, что персы называли всех греков «ионийцами», и даже в какой-то степени позволяют приблизиться к решению вопроса о локализации различных групп *Yaunā*, хотя многое еще остается гипотетичным.

Дандамаев М. А., Луконин В. Г. (1980) Культура и экономика древнего Ирана. М.

Рунг Э. В. (2008) Греция и Ахеменидская держава. История дипломатических отношений в VI—IV вв. до н. э. СПб.

Briant P. (2002) From Darius to Alexander. A History of the Persian Empire / tr. by P. T. Daniels. Winona Lake (Indiana).

Gomme A. W., Andrewes A., Dover K. J. (1981) A Historical Commentary on Thucydides. Oxford. Vol. 5.

Grop G. (2009) Die Darstellung der 23 Völker auf den Reliefs des Apadana von Persepolis // IA. Vol. 44.

Henkelman W. F. M., Stolper M. W. (2009) Ethnic Identity and Ethnic labelling at Persepolis: the case of the Skudrians // Organisation des pouvoirs et contacts culturels dans les pays de l'empire achéménide / ed. by P. Briant, M. Chauveau. Paris. (Persika; 14).

Hornblower S. (2008) A Commentary on Thucydides. Oxford. Vol. 3.

How W. W., Wells J. (1912) A Commentary on Herodotus. Oxford. Vol. 2.

Kelly Th. (2003) Persian Propaganda — A Neglected Factor in Xerxes' Invasion of Greece and Herodotus // IA. Vol. 38.

Kent R. G. (1943) Old Persian Texts // JNES. Vol. 2, N 4.

Klinkott H. (2000) Die Satrapienregister der Alexander- und Diadochenzeit. Stuttgart.

Klinkott H. (2001) Yauna — Die Griechen aus persischer Sicht? // Anatolien in Licht-tekultureller Wechselwirkungen. Akkulturationsphänomene in Kleinasien und seinen Nachbarregionen während des 2. und 1. Jahrtausends v. Chr. / hrsg. von H. Klinkott. Tübingen.

Klinkott H. (2005) Der Satrap. Ein achaimenidischer Amtsträger und Seine Handlungsspielräume. Frankfurt a/M.

Olmstead A. T. (1939) Persia and the Greek Frontier Problem // CPh. Vol. 34, N 4.

Rollinger R. (2006a) ‚Griechen‘ und ‚Perser‘ im 5. und 4. Jahrhundert v. Chr. im Blickwinkel orientalischer Quellen oder Das Mittelmeer als Brücke zwischen Ost und West // Grenzen und Entgrenzungen: Historische und kulturwissenschaftliche Überlegungen am Beispiel des Mittelmeerraums / hrsg. von B. Burtscher-Bechter, P. W. Haider, B. Mertz-Baumgartner, R. Rollinger. Würzburg.

Rollinger R. (2006b) The eastern Mediterranean and Beyond: The Relations between the Worlds of the „Greek“ and „non-Greek“ Civilizations // A Companion to the Classical Greek World / ed. by K. Kinzl. Oxford.

Rollinger R. (2006c) *Yaunā takabarā* und *maginnāta* tragende ‚Ionier‘. Zum Problem der ‚Griechischen‘ Thronträgerfiguren in Naqsch-i Rostam und Persepolis // Altertum und Mittelmeerraum: Die antike Welt diesseits und jenseits der Levante. Festschrift für Peter W. Haider zum 60. Geburtstag / hrsg. von R. Rollinger, B. Truschnegg. Stuttgart. (Oriens et Occidens; 12).

Rollinger R., Henkelman W. (2009) New observations on „Greeks“ in the Achaemenid empire according to cuneiform texts from Babylonia and Persepolis // Organisation des

pouvoirs et contacts culturels dans les pays de l'empire achéménide / ed. by P. Briant, M. Chauveau. Paris. (Persika; 14).

Sancisi-Weerdenburg H. (2001a) The Problem of the Yaunā // Achaemenid Anatolia / Proceedings of the First International Symposium on Anatolia in the Achaemenid Period, Bandirma, 15—18 August 1997 / ed. T. Bakir. Leiden.

Sancisi-Weerdenburg H. (2001b) Yaunā by the Sea and across the Sea // Ancient Perceptions of Greek Ethnicity / ed. I. Malkin. Cambridge (MA).

Schmitt R. (1972) Die achämenidische Satrapie «tayaīy drayahyā» // Historia. Bd. 21, Ht. 4.

Schmitt R. (2009) Die altpersischen Inschriften der Achaimeniden. Editio minor mit deutscher Übersetzung. Wiesbaden.

Scott L. (2005) Historical Commentary on Herodotus Book 6. Leiden.

Vogelsang W. J. (1992) The Rise and Organisation of the Achaemenid Empire. The Eastern Iranian Evidence. Leiden.